

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В СТАТУТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И СООТНОШЕНИЕ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

И. И. Лапцевич

*начальник отдела исследований в области правоохранительной
деятельности и осуществления правосудия*

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь*

В условиях динамично развивающегося современного мира особое внимание уделяется разноректорным направлениям противодействия преступности. Стимулируя борьбу непосредственно граждан с преступностью (в чьи профессиональные обязанности не входит такая деятельность), Уголовный кодекс Республики Беларусь определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния. Однако такие обстоятельства не являются новеллами действующего уголовного закона. В представленной статье обстоятельства, исключающие преступность деяния, рассмотрены применительно к их правовой регламентации в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г., а также соотнесены с современными уголовно-правовыми нормами.

Ва ўмовах дынамічнай сучаснасці асабліва ўвага надаецца разнаруктарным напрамакам процідзеання злачыннасці. Стымулюючы барацьбу непасрэдна грамадзян са злачыннасцю (у чые прафесійныя абавязкі не ўваходзіць такая дзейнасць), Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь вызначае абставіны, якія выключаюць злачыннасць дзеі. Аднак такія абставіны не з'яўляюцца навэламі дзеючага крымінальнага закона. У прадстаўленым артыкуле абставіны, якія выключаюць злачыннасць дзеі, разгледжаны ў дачыненні да іх прававой рэгламентацыі ў Статуце Вялікага княства Літоўскага 1529 года, а таксама суаднесены з сучаснымі крымінальна-прававымі нормаў.

In the conditions of a dynamically developing modern world, special attention is paid to multidirectional areas of combating crime. By stimulating the struggle of citizens directly against crime (whose professional duties do not include such activities), the Criminal Code of the Republic of Belarus determines the circumstances that exclude the crime of an act. However, such circumstances are not novels of the current criminal law. In the presented article, the circumstances that exclude criminal acts were examined in relation to their legal regulation in the Statute of the Grand Principle of Lithuania of 1529, correlated with modern criminal law.

Статут 1529 г. по своему содержанию был первым в Европе систематизированным сводом правовых норм различных отраслей права [2, с. 69]. Отмечая прогрессивность нормативного правового акта, Т. И. Довнар и Н. М. Юрашевич подчеркивают, что «значительным

шагом в развитии законодательства ВКЛ и Европы в целом явилось не только содержание статей Статута, впервые была предложена оригинальная структура нормативного правового акта с размещением норм в разделах по отраслевому принципу и расположением их в системном порядке, что является свидетельством не только высокого уровня юридической техники создателей Статута, но и развития правовой науки ВКЛ» [3, с. 104]. Несмотря на то, что «в нормах гражданского, семейного, уголовного и процессуального права ярко проявились права и льготы феодалов и ограничение права простого народа», тем не менее «они способствовали укреплению правопорядка, ограничению произвола феодалов, феодальных судебных органов, и администрации. В Статуте провозглашалось правило, по которому все лица, как «убогие», так и богатые, должны были судиться по статутным нормам» [2, с. 70]: «также желаем и устанавливаем и на вечные времена должно быть сохранено, что все наши подданные, как бедные, так и богатые, какого бы сословия и положения они ни были, равно и одинаково должны быть судимы по этим писаным законам» (арт. 9 раздела первого) [5].

Статут 1529 г. явился первым из трех Статутов Великого княжества Литовского (1529 г., 1566 г., 1588 г.), в которых зародилась тенденция структурировать право по отраслям [7, с. 12]. Нормам уголовного и уголовно-процессуального права посвящены разделы седьмой «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей», одиннадцатый «О головщинах людей путных, крестьян и челядинцев», двенадцатый «О захвате и о навязках» и тринадцатый «О воровстве». Кроме того, некоторые основополагающие положения обозначенных отраслей расположены в разделе первом (например, арт. 1 «Великий князь обязуется никого не наказывать по заочному оговору, даже если бы дело касалось оскорбления достоинства его величества. А если бы кто-либо необоснованно обвинял другого, то сам должен понести такое же наказание», арт. 7 «Никто ни за кого не должен нести наказание, но каждый сам за себя») нормативного правового акта, а также фрагментарно в разделе третьем «О вольностях шляхты и о расширении Великого Княжества Литовского» (например, арт. 14 «О побоях, нанесенных шляхтичу, и о том, кто бил»).

Помимо норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, Статут 1529 г. содержал положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Однако отметим, что такие положения не являлись новшеством и для анализируемого документа. Так, В. В. Орехов, рассматривая исторический аспект становления правовых норм о необходимой обороне отмечал, что «статья 6 договора

Олега с Византией 911 г. предусматривала право необходимой обороны личности и имущества. Но при этом сущность положений, содержащихся в договоре, затрагивающих необходимую оборону, была тесно переплетена с нормами, составляющими обычай кровной мести, что не позволяет в полной мере выделить в данном памятнике необходимую оборону в качестве отдельного, самостоятельного института... Русская правда в ст. 13, 14, 38, 40 содержала отдельные положения о необходимой обороне, но не выделяя ее в качестве самостоятельного института» [4, с. 33–34].

В настоящее время в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) обстоятельства, исключаящие преступность деяния, выделены законодателем в самостоятельный структурный элемент нормативного правового акта и помещены в главу 6 УК. К ним относятся: необходимая оборона (ст. 34 УК); причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 35 УК); крайняя необходимость (ст. 36 УК); пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК); деяния, связанные с риском (ст. 39 УК); исполнение приказа или распоряжения (ст. 40 УК).

В Статуте 1529 г. обстоятельства, исключаящие преступность деяния, не обособлены. Однако анализ содержания положений рассматриваемого документа позволяет выделить следующие уголовно-правовые нормы, которые можно отнести к таким обстоятельствам:

– к необходимой обороне: арт. 4 «Если бы кто убил насильника и его сообщников в своем доме или во время нападения», арт. 5 «Если бы кто напал на чье-нибудь имение и подданных, а тот, защищая свое, его убил» раздела седьмого, арт. 13 «Если бы кого укусил непривязанный пес» раздела двенадцатого;

– к причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление: арт. 20 «Если бы кто-нибудь убил вора на месте преступления», арт. 21 «Если бы кто-нибудь в своем доме ранил вора при совершении им кражи» раздела тринадцатого.

Необходимая оборона. Общие положения о необходимой обороне закреплены в Статуте 1529 г. в арт. 4 раздела седьмого: «если кто-нибудь совершит нападение на чей-нибудь дом, а хозяин, находясь в доме и защищая свой дом, убьет или ранит в своем доме этого насильника или кого-нибудь из его сообщников, то он не должен платить ни за убийство, ни за раны, но еще имеет право истребовать с этих раненых уплату за нападение» [5].

Исходя из содержания ст. 34 УК, причинение вреда посягающему будет являться правомерным при соблюдении условий, относящихся к посягательству (оно должно быть общественно опасным; наличным;

действительным) и защите от него (вред причиняется посягающему, а не третьим лицам; своевременность защиты; соответствие защиты опасности посягательства) [6, с. 237–240]. Сопоставляя приведенные положения Статута 1529 г. и условия правомерности необходимой обороны, вытекающие из нормы действующего УК, отметим в целом их корреляцию: нападение должно быть общественно опасным, наличным, действительным – «если кто-нибудь совершит нападение на чей-нибудь дом» [5]; при защите вред причиняется посягающему, а не третьим лицам, своевременность защиты – «хозяин, находясь в доме и защищая свой дом, убьет или ранит в своем доме этого насильника или кого-нибудь из его сообщников» [5]. Исключением видится положение о соответствии защиты опасности посягательства. Статут 1529 г. указывает на допустимость причинения нападающему как смерти («убьет»), так и телесных повреждений («ранит»), не оговаривая при этом условия превышения пределов необходимой обороны. Отдельной уголовно-правовой нормой Статут 1529 г. конкретизирует при подобных обстоятельствах убийство шляхтича: «если бы кто защищал свое имение или своих подданных от нападения и при этом убил шляхтича, то не должен платить головщину» (арт. 5 раздела седьмого) [5].

Примечательным для Статута 1529 г., на наш взгляд, является установление права на необходимую оборону вне зависимости от возможности лица избежать нападения: «а если бы тот, на чей дом сделано нападение, обороняясь, бежал из своего дома и никто не был бы убит или ранен...» (арт. 1 раздела седьмого) [5]. Следует отметить прогрессивность данного положения и сохранение его особой значимости и в действующем УК: каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства; это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти (ч. 1 ст. 34).

Рассматривая положения о крайней необходимости по действующему УК и раскрывая содержание «источников опасности», от которых может исходить угроза причинения вреда, Н. А. Бабий в отдельную категорию выделяет нападение животных (быков, собак и др.). Ученый подчеркивает, «что причинение какого-либо вреда при нападении животных оценивается по правилам крайней необходимости, если животное не используется человеком в качестве орудия преступления, в противном случае применяются правила необходимой обороны» [1, с. 421].

Формулировка положений арт. 13 «Если бы кого укусил непривязанный пес» раздела двенадцатого Статута 1529 г. позволяет

сделать вывод, что в правовой норме речь идет о необходимой обороне, а не о крайней необходимости: «если бы *по чьему-нибудь науськиванию* пес укусил кого-нибудь...» [5]. Кроме того законодатель дополнительно оговаривает последствия отражения такого нападения: «а если бы кто, обороняясь, неумышленно убил чьего-нибудь пса, тот не должен ничего платить за него, но если бы бросив чем-либо в пса, убил его, должен хозяину заплатить» [5].

Закрепляя нормы материального права, законодателем параллельно прописаны нормы и процессуального права, которые определяют порядок доказывания правомерности действий лица в состоянии необходимой обороны: «... факт нападения он должен подтвердить своей присягой, присягой жены и взрослых детей сам с двумя соприсяжниками, и если были бы свидетели, то и при свидетелях он обязан лично принести присягу. И если он присягой подтвердит факт нападения, то ему должно быть заплачено двенадцать рублей грошей в соответствии с его присягой и его свидетелями» (арт. 4 раздела седьмого); «... должен предоставить веские доказательства, что убил его на своей земле, и это должен подтвердить своей единоличной присягой и присягой своих окрестных соседей» (арт. 5 раздела седьмого).

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. В арт. 20 «Если бы кто убил вора на месте преступления» и арт. 21 «Если бы кто-нибудь в своем доме ранил вора при совершении им кражи» раздела тринадцатого Статута 1529 г. речь идет о задержании лица, совершившего преступление.

В действующем УК подобной нормой является ст. 35 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление». Условия правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании определяются условиями правомерности задержания (совершено преступление, а не какое-либо иное правонарушение; задерживается лицо, совершившее это преступление; своевременность задержания; необходимость задержания) и условиями правомерности причинения такому лицу вреда (вред причиняется преступнику, а не третьим лицам; вред причиняется с целью доставления преступника в органы власти; вынужденность причинения вреда; соответствие причиненного вреда опасности совершенного преступления и обстановке задержания (не было допущено превышения мер, необходимых для задержания преступника)) [1, с. 411–412, 415].

Сравнивая современные требования к правомерности причинения вреда преступнику при его задержании и положения Статута 1529 г. отметим их определенную схожесть. Так, к условиям правомерности

задержания по Статуту 1529 г. можно отнести следующие положения: «если бы вор вошел в чей-нибудь дом воровать и этого вора обнаружили и хотели поймать, а он защищался и не давал себя поймать...», с условиями правомерности причинения вреда преступнику соотносятся положения о причинении такого вреда именно «вору», а не иным лицам (арт. 20 раздела тринадцатого).

В арт. 20 раздела тринадцатого без внимания остаются вопросы о вынужденности причинения вреда преступнику и соответствии причиненного вреда опасности совершенного преступления и обстановке задержания. Не делая никаких дополнительных оговорок в данной части, законодатель допускает убийство вора на месте преступления. При этом наказание за убийство вора законодатель ставит в зависимость от последующих действий убившего его лица: «...тогда на другой день тот, кто его убил, взяв понятых, окрестных соседей, должен им показать это и послать тех понятых к тому пану, чей человек... и сообщить ему, что его человек убит при совершении кражи... И если он заявит об этом, а тот пан, чей человек, захочет взыскать головщину, то убивший не платит. А если бы убил и никому не заявил, то должен платить за убийство» [5]. Подобным образом законодатель регулирует и правоотношения, возникающие при ранении «вора при совершении им кражи»: «... тогда должен привести его с поличным, то есть с тем, что украдет, к тому пану, чей человек... А если бы этого раненого человека не вел ни к тому пану, чей человек, ни на великокняжеский двор, а держал у себя три дня и он умер бы в его доме, тот платит головщину» [5].

В заключение отметим, что формулирование в Статуте 1529 г. уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, относящихся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, позволило на уровне законодательства закрепить возможность лиц самостоятельно реализовывать свои права по защите личности, имущества, а также противодействовать преступности, что соответственно способствовало обеспечению как личной безопасности, так и безопасности общества в целом. Статут 1529 г. явился основой для принятия Статута Великого княжества Литовского 1566 г. и Статута Великого княжества Литовского 1588 г., в которых положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, получили дальнейшую правовую регламентацию, развитие и совершенствование. Правовая значимость и социальная востребованность рассматриваемых положений сохранилась до настоящего времени, что подтверждается наличием в действующем уголовном законе норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2013. 686 с.
2. Довнар Т.И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т. И. Довнар, Е. И. Орловская. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. 191 с.
3. Довнар Т.И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т. И. Довнар, Н. М. Юрашевич. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 317 с.
4. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. : Издательство «Юриический центр Пресс», 2003. 217 с.
5. Уголовное право Беларуси [Электронный ресурс] : темат. банк данных правовой информ. / Президент. б-ка Респ. Беларусь. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. Вып. 2. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Уголовное право. Общая часть : учеб. для студентов / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. Минск : Тесей, 2002. 494 с.
7. Шидловский А.В. Понятие, предмет, метод, система, задачи, функции уголовного права // Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск, 2018. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.]. Гл. 1. С. 11–31.